

Юлий Айхенвальд

Тургенев

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Тургенев

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Тургенев / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1913 — (Силуэты русских писателей)

«Тому, кто пережил свою молодость, как-то жгуче и больно возвращаться к Тургеневу после долгой разлуки с его заветными страницами. Ведь жизнь успела заслонить его, изящного рассказчика, его, старомодного, и невольно зарождается предчувствие, что, при новом восприятии, его произведения не сохранят всего своего прежнего благоухания – и не по вине одного только воспринимающего. И действительно, друг нашей доверчивой юности, такой желанный в те дни, когда нам были новы все впечатления бытия, светлое воспоминание прошлого, Тургенев в это прошлое и уходит. На нем видно, как состарились мы и он...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Тургенев

Тому, кто пережил свою молодость, как-то жгуче и больно возвращаться к Тургеневу после долгой разлуки с его заветными страницами. Ведь жизнь успела заслонить его, изящного рассказчика, его, старомодного, и невольно зарождается предчувствие, что, при новом восприятии, его произведения не сохранят всего своего прежнего благоухания – и не по вине одного только воспринимающего. И действительно, друг нашей доверчивой юности, такой желанный в те дни, когда нам были новы все впечатления бытия, светлое воспоминание прошлого, Тургенев в это прошлое и уходит. На нем видно, как состарились мы и он.

В значительной мере это объясняется тем, что тогда, в прежние нетребовательные годы, мы не замечали его существенных недостатков и за нежной дымкой его очарований, за романтической группой его героинь, за всей этой прекрасной женственностью не слышали отзвука литературы. Теперь же она предстает перед нами, и явно для нас, как много Тургенев сочиняет, выдумывает и как в нем истинного творца побеждает беллетрист. Он пишет свои новеллы так, как если бы жизнь сама была новеллой. Он всегда заканчивает, между тем как жизнь и конец – понятия несовместимые. Он досказывает и сообщает нам судьбу даже самого второстепенного, мимолетного персонажа и тем как бы исполняет свой писательский долг перед ними; и когда он ставит точку и завершает рассказ, он успокаивается, он думает, что завершил и душу. Это связано с его постоянной склонностью к округлению и симметричности. Когда же он не знает, как и чем закончить, он, в своих художественных силах всегда ограниченный, разрубает гордые узел и заставляет своего героя на самом интересном месте его жизни умереть. Так он сделал с Базаровым, с Инсаровым, и напрасно он оправдывается тем, что героическая смерть Базарова только достойно восполнила его нравственный облик: читатели предпочли бы героя живого. И у Инсарова болезнь – момент случайный, но удобный для автора. И «лишний человек» тоже больше прав имел бы на звание лишнего, если бы он не умер так безвременно; впрочем, и сам писатель как бы понимает это, вкладывая в уста Чулкатурина такие слова: «уничтожаясь, я перестаю быть лишним». Тургенев всегда и начинается. Никто не обходится у него без биографии или формуляра; для них он прерывает нить повествования, так что и герои, и читатели не раз стоят-дожидаются, пока он кончит, пока он вернется из той старины, когда, в княжение Василия Темного, родоначальник Лаврецких выехал из Пруссии...

Тургенев не глубок. И во многих отношениях его творчество – общее место. Если Страхов, с чьих-то слов, назвал его страницы акварелью, то это верно не только в смысле его литературной манеры, его внешней мягкости, его отделанного слога, но и по отношению к внутренней стороне его писательства. Есть сюжеты и темы, которых нельзя и которые грешно подвергать акварельной обработке. А он между тем говорит обо всем, у него и смерть, и ужас, и безумие, но все это сделано поверхностно и в тонах слишком легких. Он вообще легко относится к жизни, и почти оскорбительно видеть, как трудные проблемы духа складно умещает он в свои маленькие рассказы, точно в коробочки. Он знает, какие есть возможности и глубины в человеке, знает все страсти и даже мистерии, и почти все их назвал, перечислил, мимолетно и грациозно коснулся их и пошел дальше, например от подвижничества (в «Странной истории») – к своим излюбленным романам. Турист жизни, он все посещает, всюду заглядывает, нигде подолгу не останавливается и в конце своей дороги сетует, что путь окончен, что дальше уже некуда идти. Богатый, содержательный, разнообразный, он не имеет, однако, пафоса и подлинной серьезности. Его мягкость – его слабость. Он показал действительность, но прежде вынул из нее ее трагическую сердцевину. В той сфере общественности, где «Записками охотника» Тургенев стяжал себе особенно ценимые публицистической критикой заслуги, он в самом деле дорог тем, что до 19 февраля освободил крестьян: он их своим описанием дифференцировал, он в их

общей и для многих безличной массе распознал отдельные физиономии, разнообразные души, но самое крепостничество и кровь, позорную эпопею рабства, сумел написать все той же ровной и безобидной акварелью. Он, «не думав долго», согласился смотреть на казнь Тропмана и подробно изобразил ее; а герои его «Жида» улыбаются невольно, когда Гиршеля тащили на виселицу: так странны и уродливы были его телодвижения, крики, прыжки... Тургенева легко читать, с ним легко жить – он никогда не испугает, не ужаснет, какие бы страшные истории он вам ни поведал. Плавный, занятый, такой безукоризненный в форме, тщательно выписывая детали, он удобен. У него – рассказ для рассказа. Он не хочет волноваться сам и озабочен, чтобы не беспокоились и его читатели. Их он видит, с ними считается, ни на минуту не забывает про их существование. Он слишком помнит, что есть публика и есть критика. Он бросает нам всякие воланы – все эти изречения и афоризмы, которые притязают (и часто без успеха) на глубокомыслие и убедительность; он охорашивается, и свойственны ему литературное жеманство и манерность. Тургенев изыскан и даже сновидения посылает своим героям все очень красивые и поэтические; когда он рассказывает то, что ему самому приснилось, вы уже заранее знаете, что он выдумает какую-нибудь элегантно-небылицу, какие-нибудь призраки, которых он и в глаза не видел. Неприятно, что он красноречив. И еще – неприятная у него образованность. Он заслужил Кармазинова. Тот гимн культуре, который он заставляет петь своего Потугина, говорит против него самого как художника. Тургенев слишком печется о цивилизации; он исповедует, что без нее нет поэзии и даже самое «чувство красоты и поэзии развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации». В нем последняя заметна: культура видна на нем издали, блестит как новая и свежая; он себе не ассимилировал ее, не переработал до бессознательной глубины; привычка культуры не стала для него второй натурой, и это его лишает стихийности, делает из его искусства искусственность. Красота в культуре не нуждается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.